

Поэзия 1984: альм. 40. М., 1985. С. 197–199; Саша Черный о Петре Потемкине // Там же. С. 199–201; Оцуп Н. А. П. П. Потемкин // Оцуп Н. Океан времени. СПб., 1993. С. 545–548.

С. А. Ипатова

ПРАВДУХИН Валериан Павлович (псевдоним В. Шанявец) [21.1(2.2).1892, ст. Тана-лыкская Орского у. Оренбургской губ. — расстр. 28.8.1938, Москва]— критик, прозаик.

Родился в семье сельского священника. Учился в Оренбургской духовной семинарии, из 4-го класса был исключен за участие в первомайском митинге, издание ж. «Встань, спящий!» и размышления «о переустройстве мира». После ухода из семинарии выдержал экзамен на звание учителя второклассного училища, служил в Ак-Булакской школе Тургайской обл. (1911–13). Педагогический опыт П. нашел отражение в пьесе **«Новый учитель»** (1925). В 1914–17 П. учился на историко-филол. ф-те народного ун-та им. А. Л. Шанявского в Москве, где близко сошелся с С. А. Есениным. Глубокий след в памяти П. оставили лекции известного искусствоведа А. В. Бакушинского по эстетической педагогике как основополагающей в воспитании гармонической личности.

В годы учебы в ун-те П. побывал в Закавказье (спасался от преследований полиции).



В. П. Правдухин

Там его застала Февральская революция. П. вступил в партию социалистов-революционеров. Был избран заместителем председателя революционного комитета Закатальского округа. Работал председателем уездного, затем губернского земства Оренбургской губ.

После Октябрьской революции П. порвал с эсерами, возвратился на Урал, где в Челябинской губ. вместе с Л. Н. Сейфуллиной, ставшей его женой, заведовал местным политпросветом (1919–20). В конце 1920 П. переехал в г. Новониколаевск, руководил сибирским ГИЗом. Вместе с Е. М. Ярославским, В. Д. Вегманом, Ф. А. Березовским, Д. Г. Тумаркиным и др. был одним из инициаторов и организаторов ж. «Сибирские огни». «Самой значительной „тягловой“ силой в редакции был В. П. Правдухин. Он тянул всю основную работу редакции, писал рецензии на первые тоненькие книжки сибирских поэтов... Откликался на всякое новое произведение — не обязательно сибирское. Вступал в яростные схватки с критиком Н. Чужаком по важнейшим вопросам и течениям литературной жизни. Правил рукописи, писал письма авторам...» (Урманов К. Встречи с прошлым // Сибирские огни. 1967. № 3. С. 133).

На страницах «Сибирских огней» П. рекомендовал себя как талантливый лит. критик. Он разбирал разнообразные явления совр. лит-ры, выступал по общим вопросам искусства, лит-ры. Эклектик по методологии, П. отстаивал «эстетически свободное восприятие произведений». Его оппоненты (Н. Чужак) называли П. «реставратором старой храмины» (Советская Сибирь. 1923. 14 февр.), «скрытым и необезвреженным врагом» (Вардин И. // На посту. 1925. № 1(6). Столбец 76). С. Родов считал, что «критика Правдухина оказала заметное отрицательное влияние на большую часть художественной литературы истекшего пятилетия Сибири» (На ленинском пути. 1927. № 2. 15 окт.). В начале 1920-х выходят книги П. **«Виссарион Белинский — основоположник социальной эстетики»** (1923), **«Творец, — общество — искусство»** (1923), сб. статей **«Литературная современность»** (1924). П. писал о литераторах-современниках (Вс. Иванов, А. Фадеев, С. Есенин, Б. Пильняк, А. Малышкин и др.).

В 1923 П., по приглашению А. К. Воронского, переехал в Москву. Там писал лит. критические статьи для «Красной нови», а также «Красной нивы», где заведовал отделом лит. критики. За связь с Воронским П. подвергался ожесточенным нападкам «за осуждение псевдоклассики современного по-

этического искусства», отражающего показной пафос социалистического строительства и классовой борьбы и не показывающего, по мнению П., подлинных человеческих чувств.

В середине 1920-х П. отходит от лит. критики. Вместе с Л. Н. Сейфуллиной П. написал несколько пьес: «**Вириния**» (1924), «**Черный Яр**» (1931). Выходят в свет очерковые книги «**По излучинам Урала**» (1929), «**Годы, тропы, ружье**» (1930), повесть «**Гугенот из Териберки**» (1931). Последняя подверглась резким нападкам критики за якобы искаженный показ большевистского руководства, идеализацию центрального образа повести — классового врага Лиллье. Напостовец Л. Левин писал в рецензии: «Возвращаясь к вопросу об авторском отношении к образу Лиллье, необходимо подчеркнуть гуманистическую идеализацию этого „последнего из гугенотов“. Образ классового врага заслонен у Правдухина образом подвижника, великомученика, чуть ли не страдальца за высокие человеческие идеалы... Правдухин клеветает на рабочий класс, как клеветает на социалистическое наступление вся его книга». (Левин Л. Лит-ра ликвидируемого класса // Ленинград. 1932. № 1. С. 85, 87). «Кулацкой Тарабарией» назвал повесть П. критик А. Селивановский (Правда. 1931. 4 нояб.; см. также: Залесский. Гугенот из Териберки на фронтах пятилетки // Лит. газ. 1931. 27 окт.).

Главное произведение П., в котором он продемонстрировал свой дар литератора, — исторический роман «**Яик уходит в море**» (первоначальное название — «Перелеты») из жизни уральских казаков. Начальные главы его публиковались в ж. «Красная новь» (1936. № 2–4). Отдельным изданием роман вышел в 1937.

Страстный охотник и рыболов, путешественник, влюбленный в природу Урала, писатель-исследователь, П. стремился художественно осмыслить закономерности исторического развития бывшей казачьей области. Его влекли события, до основания перевернувшие судьбы людей.

Основные события в романе «Яик уходит в море» разворачиваются в последней четверти XIX в. Нововведения властей, в частности, всеобщая воинская повинность для казаков, ранее шедших на царскую службу добровольно, было воспринято как «грабеж их старинных вольностей». Казаки взбунтовались, отказавшись подчиниться, написали челобитную об отмене высочайшего Положения. Бунтовщиков арестовали и предали суду, посла-

ли в Аму-Дарьинский край. Это событие в пос. Соколинском размежевало не только богатых и бедных, но и нарушило соседство и родство.

В центре романа — семья яицких казаков Алаторцевых. Никита Алаторцев разоряет семью родного брата Ефима. Рушится любовь Василиста к Лизе Гагушиной и Насти к Клементию Вязниковцеву лишь потому, что их отец оказался высланным из поселка как смутьян. Молодые Алаторцевы прибегают к месту. Настя, убившая Клементия («он против казаков поступил нехорошо») умерла от горячки. Это происходит на глазах Лушки — самой младшей из Алаторцевых. Ее тайная любовь к Григорию Алаторцеву, брату Клементия, и ненависть к нему как к богатому, презирающему Василиста и др. станичников, разбудила в ее душе сомнения.

Одна из худож. особенностей романа — ярко выписанные массовые сцены: традиционное багрение рыбы на Яике, посиделки молодежи, встреча казаками наследника в Уральске, гульбища, драки. Они помогают понять позицию П.-художника, избравшего предметом худож. исследования казачью общину, ее старинный быт и уклад.

«Яик уходит в море» — многоплановое историческое повествование, густо населенное героями, что, с одной стороны, подчеркивает его народность, но с другой — вредит произведению. Ряд интересно задуманных образов обозначены лишь пунктирно: Игнатий Думчев, Степан Никольский, Лиза Гагушина, Елена Дудакова. Не всегда мотивированы поступки Луши Алаторцевой, блекло нарисован образ Марички — жены ярко выписанного «гулебщика», героя Иканской и Хивинской битв Ивея Марковича.

Особый колорит роману «Яик уходит в море» придают лирические отступления, поэтические описания природы, особенности народного языка. Быт яицкого казачества выписан в традициях раннего Гоголя.

В 1930-е П. был заклеимен званием троцкиста. Ему не простили и эсеровского прошлого, несмотря на то что он публично признал свои прежние ошибки. В 1937 П., выступавший в защиту М. Булгакова, был репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Соч.: Литература о революции и революционная литература // Сибирские огни. 1923. № 1–2; Творец — общество — искусство. Сибзд., 1923; Яик уходит в море: роман. Челябинск, 1977.

Лит.: Сейфуллина в воспоминаниях современников. М., 1961. С. 61–62, 86, 113, 128, 166; Юрасов И. Рождение журнала // Сибирские огни. 1962. № 3; Перми-

тин Е. Валериан Правдухин // Пермитин Е. Охотничье сердце. М., 1962; Смирнов Н. Степной охотник // Охотничьи просторы. 1966. № 2; Карлова А. Снайпер пера и выстрела. К 75-летию со дня рождения Валериана Правдухина // Приуралье. 1967. 4 февр.; Шмаков Ал. Валериан Правдухин // Правдухин В. П. Яик уходит в море. Челябинск, 1977. С. 3–11.

В. Н. Запевалов

ПРАСОЛОВ Алексей Тимофеевич [13.10.1930, с. Ивановка Воронежской обл. — 12.2.1972, Воронеж] — поэт.

Отец, крестьянин, рано покинул семью, затем погиб на фронте. «Итак, с рождения вошло — / Мир в ощущении расколот: / От тела матери — тепло, / От рук отца — бездомный холод» («Пролог», 1963). Во время Отечественной войны П. оказался в оккупации (об этом его повесть «**Жестокие глаголы**», 1970). Позднее, по окончании Россошанского педагогического училища, работал в школе, в газетах. В районной газ. «Заря коммунизма» в 1949 опубликовал свои начальные поэтические опыты. Психически неуравновешенный, житейски не защищенный, он был осужден по уголовному делу и в 1961–64 отбывал срок: работал на рудниках и стройках. Там и написал первые самобытные стихи, на которые обратила внимание критик И. Ростовцева. В 1964 они публикуются в «Новом мире», руководимом тогда А. Твардовским (№ 8; 10 стих.). Потом в Воронеже появляются книги П. «**День и ночь**» (1966), «**Земля и зенит**» (1968), «**Во имя твое**» (1971), а в Москве — «**Лирика**» (1966).

Свое творческое кредо зрелый П. определил так: «Мне так мало надо внешнего. Я ненавижу, когда его много и за ним — ничего... И день и мир, как он есть, — это не то, что я должен брать и вносить в стихи. Нужно обострение внутреннего видения» (Письмо к И. Ростовцевой от 18 февр. 1965 // Стихотворения. С. 148). Поэзия его двупланова. С одной стороны, она питается реальными воспоминаниями о военном детстве («**Тревога военного лета...**», «**Та ночь была в свечении неверном...**», «**Рубиновый перстень**», «**Когда созреет срок беды всесветной...**» и др.), а с другой — тяготеет к общеполитическим, подчас метафизическим обобщениям. В его творческих пристрастиях оказались равноправны и С. Есенин, и Н. Заболоцкий. А среди современников стали близкими и Н. Рубцов с его темой индивидуальной судьбы, сращенной с судьбой «малой родины» (см. в «Прологе» П.: «Что ж,



А. Т. Прасолов

разворачивай, судьба, / Новорожденной жизни свиток. / И прежде всех земных забот / Ты выставь письмена косые / Своей рукой корявой — год / И имя родины — Россия»), и поэты фронтового поколения с их суровым историческим опытом.

Драматичны стихи П. о природе. В большинстве из них в центре внимания поэта оказывается не человек, страдающий от природной стихийности, а как раз природа, испытывающая насилие человека. Так, в стих. «**Мирозданье сжато берегами...**» одинокая лошадь входит своими «чуткими ногами» во Вселенную, испытывая «тяжесть человеческих веков», а в это время «небо разламывается ревом» авианосца. Зато в стих. «**Черней и ниже пояс ночи...**» поэт утверждал правомерность людского повеления природой. Так что единой, целостной натурфилософской концепции П. не выработал, но сама постановка им насущных житейских проблем выделила его из среды пейзажных лириков.

С годами прояснилось и жанровое своеобразие его лирики: в ней усилилось эпическое начало. 4 июля 1963 он писал И. Ростовцевой: «Об эпическом начале. Я не раз анализировал написанное, вернее, его характер... А душа тосковала по глубокой, мудрой и высокой лирике... Надо научиться говорить коротко, емко и — в малом — законченно... В конце концов, эпическое вместилище и в малую форму, если оно большое и настоящее... Думаешь, у Тютчева нет эпоса? Как бы не так» (Стихотворения. С. 134). В жанре малых